

УДК 316.774

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/75/35>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНзуРА ИНТЕРНЕТА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИТОГИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

©**Руденкин Д. В.**, ORCID: 0000-0001-8860-165X, SPIN-код: 9700-3150, канд. социол. наук, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, d.v.rudenkin@urfu.ru

INTERNET STATE CENSORSHIP IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN YOUTH: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL RESEARCH

©**Rudenkin D.**, ORCID: 0000-0001-8860-165X, SPIN-code: 9700-3150, Ph.D., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, d.v.rudenkin@urfu.ru

Аннотация. Центральным вопросом работы — особенности отношения российской молодежи к жесткой политике государства, направленной на ограничение распространения информации в Интернете. Автор отмечает противоречие между прогрессирующим ужесточением политики российского государства в области модерации интернет-пространства и отсутствием ясного представления о специфике реакции, которую такое ужесточение вызывает в обществе. Анализ актуальной научной литературы приводит автора к выводу, что отношение молодежи к практикам введения государственной цензуры во многом будет сказываться на эффективности функционирования такой цензуры. Негативное отношение молодежи к государственной цензуре Интернета будет препятствовать ее функционированию, тогда как согласие с необходимостью ее введения — наоборот, может стать благоприятной предпосылкой для ее развития. Пользуясь данными собственного социологического исследования, проведенного среди молодежи г. Екатеринбурга (N=504), автор проводит диагностику фактических настроений, возникающих в молодежной среде в связи с перспективой введения государственной цензуры Интернета. Ключевой вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что у российской молодежи сложилось относительно позитивное отношение к введению государственной цензуры Интернета, во многом благоприятствующее реальному внедрению такой цензуры в жизнь общества. Хотя представители молодежи и расходятся в своем представлении о конкретных типах информации, распространение которой в Интернете государству следует запрещать, сама необходимость такого запрета скорее находит среди них поддержку.

Abstract. The central issue of the paper is the peculiarities of the attitude of Russian youth to the tough policy of the state aimed at limiting the dissemination of information on the Internet. The author notes the contradiction between the progressive tightening of the policy of the Russian state in the field of moderation of the Internet and the lack of a clear understanding of the specifics of the reaction that such a tightening causes in society. An analysis of the current scientific literature leads the author to the conclusion that the attitude of young people to the practices of introducing state censorship will largely affect the effectiveness of the functioning of such censorship. The negative attitude of young people towards state censorship of the Internet will hinder its functioning, while agreement with the need for its introduction, on the contrary, may become a favorable prerequisite for its development. Using the data of his own sociological research

conducted among the youth of Ekaterinburg (N=504), the author analyses the actual moods that arise among the youth in connection with the prospect of introducing state censorship of the Internet. The key conclusion of the paper is that the Russian youth has a relatively positive attitude towards the introduction of state censorship of the Internet, which in many respects favors the real introduction of such censorship into the life of society. Although young people disagree and argue about the specific types of information that should be prohibited by the state censorship, the initial need for such a prohibition is more likely to be supported.

Ключевые слова: российская молодежь, цензура, Интернет, социологическое исследование.

Keywords: Russian youth, censorship, Internet, sociological research.

Введение

Выявление и описание социального запроса к государственной цензуре Интернета приобретает в последнее время все более заметную актуальность для российского общества. Логика развития событий в российском обществе говорит о том, что возникновение и развитие комплексной системы цензуры Интернета со стороны государства становится все более вероятным. Публичная риторика чиновников и общая логика тех нормативно-правовых актов, которые принимались в стране в последние годы, свидетельствуют о том, что политика российских властей по отношению к развитию Интернета постепенно отходит от характерного ей прежде равнодушия и начинает отчетливо тяготеть к жесткому контролю и строгим запретам. Вместе с тем, несмотря на фактическую неизбежность наметившегося ужесточения политики российской власти по отношению к Интернету, пока остается не вполне понятно, каким образом на это ужесточение реагирует общество. Обозначая принципиальное стремление к контролю за распространением информации в Интернете, российские власти фактически демонстрируют установку на создание жестких ограничений для развития сферы, которая длительное время развивалась относительно автономно и воспринималась обществом как свободная от государственного регулирования. И степень готовности российского общества к столь существенным изменениям в политике государства выглядит как минимум неочевидной. Фактически можно отметить, что в современной России проявляется важное противоречие между ужесточением государственной политики по отношению к распространению информации в Интернете и отсутствием ясного представления о реакции на такое ужесточение со стороны общества.

Особый интерес в этом контексте представляет отношение к государственной цензуре Интернета со стороны российской молодежи. Нынешние представители российской молодежи – первое поколение россиян, которые проходили свою первичную социализацию в условиях повсеместного и многогранного внедрения информационных технологий в социальные практики: годы взросления большинства из них пришлись на период наиболее активной интернетизации российского общества, которая, по оценкам многих социологов, началась после 2012-2013 гг. [1]. Более того, данные эмпирических социологических исследований показывают, что российская молодежь не только выросла в условиях интенсивного распространения интернет-технологий в обществе, но и проявляет при использовании таких технологий повышенную активность, не свойственную другим поколениям россиян [2]. Интернет, в том виде, в каком он развивался в России в последние десять лет, стал для представителей современной российской молодежи важной средой

коммуникации и организации привычных социальных практик. И очевидно, что такая интенсивная вовлеченность российской молодежи в использование Интернета делает ее одним из тех сегментов российского общества, которые могут оказаться наиболее чувствительными к наметившимся изменениям государственной политики. Именно поэтому вопрос о специфике отношения российской молодежи к перспективе развития системы государственной цензуры Интернета приобретает в нынешних обстоятельствах особую актуальность. В данной работе мы расскажем о результатах собственного социологического исследования, которое было проведено нами с целью идентификации и описания особенностей отношения представителей российской молодежи к перспективе развития системы государственной цензуры Интернета.

Прежде чем перейти к описанию методологии и результатов проведенного исследования, будет уместно пояснить, что под государственной цензурой Интернета мы будем понимать комплексную систему мер, позволяющих государству пресекать распространение в Интернете той информации, которая противоречит действующим на его территории нормативно-правовых актов [3]. Ревизия предшествующих исследований в области наук об обществе позволяет отметить, что вопрос о практиках функционирования таких систем цензуры в разных странах и особенностях отношения общества к их существованию уже неоднократно привлекал внимание исследователей. В последние несколько лет в российской научной литературе было опубликовано довольно много примечательных работ, авторы которых анализировали практики функционирования цензуры Интернета в других странах: Китае [4], арабских государствах [5], странах ЕС и США [6]. Характерно и то, что в актуальной научной литературе нередко встречаются рассуждения о наиболее вероятных практиках введения подобной цензуры в российском обществе [7–9]. Примечательно, что несмотря на тематическое и методологическое разнообразие работ, которые публиковались в соответствующей предметной области, их авторы часто отмечают в своих рассуждениях схожую мысль о принципиальной зависимости эффективности государственной цензуры Интернета от уровня социальной поддержки такой цензуры, который характерен для общества. При этом исследования показывают, что реакция общества на введение такой цензуры, может быть вариативной. В литературе нередко встречаются упоминания кейсов проявления крайне негативного отношения общества к государственной цензуре Интернета, которые становились серьезным барьером для ее функционирования [10]. Но в литературе описаны и иные сценарии, при которых негласная поддержка государственной цензуры Интернета со стороны общества способствовала развитию и укоренению системы государственного контроля за виртуальным пространством [11]. Поэтому можно отметить, что, согласно логике актуальных научных исследований, существование государственной цензуры Интернета может вызывать принципиально разнообразные реакции как у общества в целом, так и у отдельных социальных групп.

Во многом это подчеркивает важность эмпирического изучения фактических настроений, которые возникают среди представителей российской молодежи в связи с наметившимся развитием механизмов государственной цензуры Интернета в современной России. Очевидно, что наличие среди молодежи массового негативного отношения к государственной цензуре Интернета может стать серьезным барьером для ее функционирования. В свою очередь, внутреннее согласие молодежи с необходимостью такой цензуры (или готовность адаптироваться к ее механизмам) может благоприятствовать ее развитию и эффективной работе. Ниже мы перейдем к описанию методологии и результатов

собственного исследования, которое было проведено нами для прояснения соответствующих настроений, характерных для современной российской молодежи.

Материал и методы исследования

Эмпирической базой исследования, на основе которого мы будем строить свои последующие рассуждения, послужили материалы анкетного социологического опроса, который был выполнен нами на базе Уральского федерального университета в г. Екатеринбурге в ноябре 2021-го г. Одной из важных задач этого исследования стало выявление и описание наиболее характерных особенностей отношения к введению цензуры Интернета, проявляющихся у молодежи Екатеринбурга. Подчеркнем, что Екатеринбург в данном случае рассматривался нами как локальный, но показательный и информативный кейс, результаты анализа которого принципиально возможно экстраполировать на более широкий российский контекст. Общие особенности социального, экономического, культурного, политического развития данного города сопоставимы с теми, которые прослеживаются у других крупных российских городов. А сопоставимость настроений молодежи Екатеринбурга с особенностями общественного мнения молодежи других российских городов неоднократно подтверждалась эмпирически как в наших собственных исследованиях [12], так и в проектах других социологов [13, 14]. Поэтому, хотя исследование и было выполнено в локальном масштабе Екатеринбурга, мы воспринимаем его результаты как показатель общих настроений и запросов, в той или иной степени характерных для всей российской молодежи.

Проведенное исследование опиралось на квотную модель выборки, построенную с учетом пола, возраста и района проживания опрошенных. Всего были опрошены 504 представителя молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет. Общая модель выборки и распределение опрошенных по ее сегментам представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Возраст и пол		Районы города							Итого
		Верх-Исетский	Железнодорожный	Кировский	Ленинский	Октябрьский	Орджоникидзевский	Чкаловский	
14-15 лет	мужчины	6	3	5	3	3	6	6	32
	женщины	4	3	5	3	3	6	5	29
16-17 лет	мужчины	4	3	5	5	3	5	5	30
	женщины	4	3	4	3	3	5	5	27
18-19 лет	мужчины	2	3	3	3	3	6	5	25
	женщины	3	3	3	4	3	5	5	26
20-24 лет	мужчины	11	8	11	6	6	13	12	67
	женщины	11	8	11	6	6	13	12	67
25-29 лет	мужчины	14	12	15	11	10	19	20	101
	женщины	15	11	15	11	10	19	19	100
Итого		74	57	77	55	50	97	94	504

Размеры квот были определены с опорой на официальную статистическую информацию о районной и половозрастной структуре населения Екатеринбурга,

представленную на официальном сайте Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.

Анкетирование выполнялось с помощью интерактивного инструментария на базе платформы GoogleForms. Такой нестандартный подход к организации сбора анкетных данных был вызван двумя причинами. Во-первых, использование такого инструментария позволяло провести исследовательские работы без необходимости личных контактов с респондентами, которые представлялись нежелательными в условиях сохранения неблагоприятной эпидемиологической ситуации из-за пандемии Covid-19. Во-вторых, опора на интерактивный инструментарий позволяла оптимизировать сам процесс сбора данных и сделать его более удобным для респондентов. При этом нестандартной оказалась именно процедура анкетирования, тогда как общий подход к его организации опирался на ту же логику, которая применялась бы и в случае проведения полевых работ в очном формате. Ссылка на анкету не размещалась в открытых источниках и не подвергалась стихийному тиражированию, а адресно рассылалась тем респондентам, которые подходили под требования выборки. Соответственно, надежность данных, которые были собраны в ходе этого исследования, должна быть принципиально сопоставима с той, которую могло бы обеспечить проведение полевых работ в более классическом формате.

Обработка данных, которые были собраны в ходе исследования, выполнялась при помощи статистических приложений SPSS 17.0 и Vortex 8.0. В ходе анализа применялись методы построения одномерных и двумерных распределений, а также процедуры факторного и корреляционного анализа.

Результаты и обсуждение

Анализ данных, которые были собраны в ходе исследования, позволил сделать несколько принципиальных выводов об особенностях отношения российской молодежи к государственной цензуре Интернета.

Прежде всего, в ходе анализа было установлено, что сама по себе идея государственной цензуры Интернета не вызывает в молодежной среде массового отторжения. Анализ ответов, которые были получены на соответствующий вопрос, демонстрирует, что многие из представителей молодежи признают саму необходимость осуществления государственного контроля за распространением информации в Интернете и не воспринимают такой контроль как нечто противоестественное или негативное (Рисунок 1). Конечно, необходимо уточнить, что полученные распределения ответов показывают определенную гибкость настроений представителей молодежи, которые чаще всего считают, что вопрос о цензуре должен решаться в зависимости от характера контента. Тем не менее, в данном случае скорее показательно то, что подавляющее большинство из них отказываются признавать Интернет пространством, заведомо неподлежащим модерации и запретительным мерам со стороны государственных органов: такое свободлюбивое отношение к Интернету встречается лишь у каждого десятого. Корреляционный анализ демонстрирует, что в данном случае прослеживается определенное влияние возраста: в целом чем младше опрошенные, тем чаще они склонны считать, что государство в принципе не должно регулировать работу Интернета. Тем не менее, даже среди самых младших опрошенных в возрасте 14-15 лет доля сторонников подобного подхода достигает лишь 21%: фактически это говорит о том, что они придерживаются такой точки зрения чаще представителей других возрастных подгрупп, но все равно соглашаются с ней редко. В целом мы можем отметить, что на уровне общих суждений и оценок представители молодежи скорее принимают идею о необходимости

государственного регулирования распространения информации в Интернете. Вероятно, многие из них готовы дискутировать о том, какая именно информация должна подвергаться цензуре со стороны государства, но при этом сама необходимость такой цензуры чаще всего не вызывает у них сомнений.

Рисунок 1. Представление опрошенных о наиболее правильной модели распространения информации в Интернете (% от общего числа опрошенных)

Показателен в этом смысле и другой результат, который был получен в ходе анализа. Выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных представителей молодежи не просто соглашались с самой необходимостью осуществления государственной цензуры Интернета, но и отказываются расценивать ее реализацию как посягательство на свою личную свободу. Только 42% опрошенных считают введение государственной цензуры Интернета посягательством на свою личную свободу, остальные опрошенные такую постановку вопроса отвергают. Сопоставляя этот результат с тем, который упоминался выше, мы можем отметить, что многие из представителей молодежи, похоже, не просто соглашались с общей идеей о необходимости осуществления цензуры в Интернете, но и спокойно относятся к перспективе введения реальных ограничений, которые такая цензура может предполагать. Свободолюбивое и категоричное мнение о том, что Интернет должен являться заведомо свободным пространством обмена информацией, судя по этим результатам, не пользуется среди молодежи массовой поддержкой. Большинство молодых людей соглашались с общей необходимостью подобных запретов и принимают их присутствие в жизни. Характерно, что в этом смысле настроения молодежи полностью соответствуют общим запросам российского общества к цензуре Интернета, которые мы выявляли в ходе предшествующих исследований на основе данных ВЦИОМ [15]. То есть можно говорить о том, что логика отношения к цензуре Интернета со стороны молодежи не конфликтует с доминирующими настроениями общества, а скорее воспроизводит их.

Природа такого лояльного отношения молодежи к государственной цензуре, вероятно, связана с тем, что многие из ее представителей рассматривают Интернет как пространство тиражирования этически спорного или даже вредного контента. Подавляющее большинство опрошенных признают, что регулярно испытывают желание отказаться от использования Интернета хотя бы на какое-то время: наличие такой потребности подтверждают 78% из них. И мотивация тех, кто испытывает такое желание, выглядит показательно: видно, что на первые места по популярности выходят упоминания токсичной культуры коммуникации в Интернете и наличие в нем значительного объема некачественной информации (см. Рисунок 2). Так же, как и в случае с общим отношением к государственной цензуре Интернета, здесь прослеживается корреляция с возрастом: в целом, чем моложе респондент, тем реже он склонен испытывать желание отказаться от использования Интернета и тем реже в своих ответах указывает на наличие в Интернете агрессивной стилистики коммуникации и

некачественной информации. Однако влияние этого фактора ограничено: хотя среди наиболее младших опрошенных в возрасте 18–19 лет доля желающих отказаться от использования Интернета оказывается ниже средней по массиву, она все равно достигает показателя в 52%. Поэтому можно сказать, что в целом среди опрошенных представителей молодежи довольно распространено скептическое отношение к Интернету как к пространству распространения неоднозначного или даже деструктивного информационного контента. И такое отношение к Интернету во многом подпитывает лояльное отношение к государственной цензуре Интернета, которое повторимся, прослеживается у многих из опрошенных представителей молодежи.

Рисунок 2. Причины, по которым опрошенные хотели бы отказаться от использования Интернета (% от числа тех, кто хотел бы отказаться от использования Интернета)

Вместе с тем, содержательный запрос представителей молодежи к государственной цензуре Интернета показывает, что ее представление о том, какая именно информация в виртуальном пространстве должна попадать под государственную цензуру, довольно специфично и вариативно. В этом смысле показательны ответы, которые были получены на прямой вопрос «Как Вы считаете, распространение какой информации в Интернете государство должно жестко пресекать?». Ответы, которые были получены на этот вопрос, позволяют разделить весь спектр потенциальных запретов на несколько основных сегментов в зависимости от того, насколько часто соответствующая информация была названа опрошенными в качестве подлежащей запрету со стороны государства: «Запреты, имеющие массовую поддержку», «Запреты, имеющие ограниченную поддержку» и «Запреты, лишённые поддержки». Результаты такой сегментации представлены в Таблице 2.

Логика полученных ответов свидетельствует о том, что представления молодежи о том, какие именно темы должны становиться объектом цензуры со стороны государства, является принципиально неоднородным и сегментированным. Перечень материалов, которые представители молодежи чаще всего относят к запретным, выглядит ожидаемым и в целом соотносится с логикой отражения соответствующих вопросов в средствах массовой информации: и сцены насилия, и информация о способах приобретения оружия, и

мошеннические сайты регулярно обсуждаются в российском обществе и описываются именно как деструктивный контент, поэтому закономерно, что у представителей молодежи выражен запрос на пресечение тиражирования такой информации. Тем не менее, в данном случае показательно и иное обстоятельство. Фактически проведенный анализ продемонстрировал, что запрос российской молодежи на внедрение государственной цензуры Интернета не только выражен, но и довольно многогранен. Среди представленных тематик отсутствуют такие, обсуждение которых в Интернете исключают все опрошенные. Более того, в среднем каждый из них назвал не менее четырех типов контента, тиражирование которого необходимо пресечь. Фактически можно сказать, что удаление любого резонансного или этически спорного контента из Интернета может найти своих сторонников среди молодежи.

Таблица 2.

ЗАПРЕТЫ, КОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ ОПРОШЕННЫЕ

<i>Запреты</i>	<i>% от числа опрошенных</i>
<i>Запреты, имеющие массовую поддержку</i>	
Сцены агрессии, насилия и жестокости по отношению к животным	82,6%
Реклама мошеннических организаций и финансовых пирамид	77,8%
Призывы к вступлению в религиозные секты	72,2%
Информация об оружии, взрывчатых веществах и их производстве из подручных материалов	66,8%
Описание способов совершения самоубийства	66,2%
Призывы к вступлению в радикальные, экстремистские группировки	61,5%
Недостоверная медицинская информация о заболеваниях и способах лечения	61,1%
<i>Запреты, имеющие ограниченную поддержку</i>	
Порнографические материалы	55,3%
Сцены агрессии, насилия и жестокости по отношению к людям	44,4%
Искаженная или ложная информация об исторических событиях	27,8%
Призывы к участию в акциях протеста	24,6%
Материалы, направленные на сексуальное просвещение человека	11,1%
<i>Запреты, лишённые поддержки</i>	
Контент, способный оскорбить религиозные убеждения людей	6,6%
Сведения о личной жизни политиков, государственных служащих	6,2%
Информация об ЛГБТ-сообществах	5,6%
Сообщения о чрезвычайных ситуациях, катастрофах, массовой гибели людей	4,3%
Тексты и видео, содержащие нецензурную лексику (мат)	3,6%
Информация о нарушениях закона представителями власти	2,4%
Информация, формирующая негативный образ России как государства	2,4%
Ссылки на пиратские копии кинофильмов, музыки, видеоигр	1,3%

В целом можно сказать, что в восприятии большинства опрошенных представителей молодежи не прослеживается сколько-нибудь массового и артикулированного сопротивления идее о необходимости функционирования государственной цензуры Интернета. Запрос к логике действия такой цензуры очень сегментирован и неоднороден, но все же он существует. И характерно, что представители молодежи имеют разное представление о том, какой именно контент в Интернете правильнее всего подвергать государственной цензуре, но

при этом оказываются единодушными в своем убеждении о том, что такая цензура скорее необходима. В их представлении государственная цензура Интернета оказывается не угрозой личной свободе, а скорее инструментом оздоровления информационного пространства, в котором они привыкли видеть повышенную долю деструктивного контента. Соответственно, наметившееся стремление государства к ужесточению контроля за распространением информации в Интернете не противоречит запросам молодежи, а довольно органично в них вписывается. И дальнейшее развитие государственной цензуры Интернета, по всей видимости, сможет найти определенную поддержку среди представителей российской молодежи. И несмотря на то, что наличие в молодежной среде соответствующих настроений можно оценивать по-разному, само их существование выглядит важным фактом.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, мы можем отметить, что наметившееся формирование системы государственной цензуры Интернета в целом соответствует запросу молодежи и находит среди представителей этой группы определенную поддержку. Результаты анализа говорят о том, что у российской молодежи прослеживается очень широкое и разрозненное представление о том, какой именно контент в Интернете должен быть подвергнут цензуре со стороны государства. Тем не менее, подавляющее большинство из них не ставят под сомнение саму необходимость осуществления такой цензуры. Более того, многие из них воспринимают государственную цензуру Интернета не как средство угнетения своей личной свободы, а скорее, как инструмент очистки информационного пространства от контента, имеющего явную деструктивную коннотацию. Как мы и отмечали в начале данной работы, лояльное отношение общества в целом и отдельных его сегментов к государственной цензуре Интернета создает благоприятную почву для развития и закрепления такой цензуры в обществе. И по итогам своего исследования мы, по всей видимости, можем сделать вывод, что наметившаяся в российском обществе тенденция к усилению государственной цензуры Интернета находит поддержку среди представителей молодежи. И хотя этого мало для того, чтобы ожидать неминуемого усиления такой цензуры в стране, можно уверенно судить о том, что такое усиление, если оно действительно будет происходить, не вызовет сколь угодно выраженного протеста среди представителей молодежи. В целом этот вывод можно считать главным итогом проведенного нами исследования.

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-32166.

Список литературы:

1. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения. 2016. №5. С. 163-182.
2. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. №3. С. 15-33
3. Бондаренко М. В. Правовой контекст проблемы интернет-цензуры в Российской Федерации // Modern Science. 2020. №2-1. С. 146-150.
4. Верник А. Г. Цензура в интернете: исторический аспект, современный опыт и перспективы // Дискуссия. 2014. №11 (52). С. 174-182.

5. Шишкина А. Р., Исаев Л. М. Интернет-цензура в арабских странах // Азия и Африка сегодня. 2015. №2 (691). С. 40-45.
6. Коршунов И. Л. Регулирование в интернете: защита личности или ограничение свободы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. №4 (118). 2019. С. 119-124.
7. Наумов А. Н. Интернет-цензура в современной России // Теория и практика современной науки. №6 (60). 2020. С. 250-255.
8. Аммосов А. О. Становление интернет-цензуры в Российской Федерации с 2012 по 2017 годы // Academy. №10 (25). 2017. С. 62-66.
9. Каштанова П. А. Регулирование свободы слова в сети интернет в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. №5С. 294-302.
10. Краснова П. В. Свобода слова и право на информацию как основные факторы формирования гражданского общества // Научные записки молодых исследователей. 2015. №4. С. 66-71.
11. Гарибян К. Т. Влияние цензуры в Китае на жизнь общества // Известия Института систем управления СГЭУ. 2021. №1 (23). С. 32-35.
12. Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. №1. С. 1-14.
13. Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть. 2018. №1. С. 31-39.
14. Соломатин Я. И. Политические ориентации молодежи Екатеринбурга: идеологические и электоральные предпочтения // Молодежь в меняющемся мире: вызовы современности. Материалы VII международной научно-практической конференции. Екатеринбург. Уральский государственный педагогический университет. 2017. С. 161-167.
15. Руденкин Д. В. Запрос российского общества к цензуре интернета: опыт вторичного анализа данных ВЦИОМ // XI Южно-Российский политологический конвент «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность»: материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием. Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 281-288.

References:

1. Volchenko O. V. (2016) Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring of public opinion*, 5, 168-182. (in Russian)
2. Radaev V. V. (2018) Millennials against the background of previous generations: an empirical analysis. *Sociological research*, 3, 15-33. (in Russian)
3. Bondarenko M. V. (2020) Legal context of the problem of Internet censorship in the Russian Federation. *Modern Science*, 2-1, 146-150. (in Russian)
4. Wernik A. G. (2014) Censorship on the Internet: Historical Aspect, Modern Experience and Prospects. *Discussion*, 11(52), 174-182. (in Russian)
5. Shishkina A. R., Isaev L. M. (2015) Internet censorship in Arab countries. *Asia and Africa today*, 2 (691), 40-45. (in Russian)
6. Korshunov I. L. (2019) Regulation on the Internet: protection of the individual or restriction of freedom. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 4 (118), 119-124.
7. Naumov A. N. (2020) Internet censorship in modern Russia. *Theory and practice of modern science*, 6 (60), 250-255. (in Russian)

8. Ammosov A. O. (2017) The formation of Internet censorship in the Russian Federation from 2012 to 2017. *Academy*, 10 (25), 62-66. (in Russian)
9. Kashtanova P. A. (2020) Regulation of freedom of speech on the Internet in the Russian Federation, *Issues of Russian justice*, 5, 294-302. (in Russian)
10. Krasnova P. V. (2015) Freedom of speech and the right to information as the main factors in the formation of civil society. *Scientific Notes of Young Researchers*, 4, 66-71.
11. Garibyan K. T. (2021) Influence of censorship in China on the life of society. *Proceedings of the Institute of Control Systems SGEU.*, 1 (23), 32-35. (in Russian)
12. Rudenkin D. V. (2020) Impulses of the growth of protest activity of Russian youth: the case of Yekaterinburg. *Conflictology / nota bene.*, 1., 1-14. (in Russian)
13. Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu. (2018) Civil identity of the youth of the Sverdlovsk region. *Society and power*, 1, 31-39. (in Russian)
14. Solomatin Ya. I. (2017) Political orientations of Yekaterinburg youth: ideological and electoral preferences. *Proceedings of the VII International scientific conference «Youth in a changing world: modern challenges».* Yekaterinburg. Ural State Pedagogical University. 2017, 161-167. (in Russian)
15. Rudenkin D. V. (2021) Russian society's request for Internet censorship: the experience of secondary analysis of WCIOM data. *Proceedings of online conference «XI South Russian political science convention "The modern paradigm of state interests: concept and post-Soviet reality"».* Taganrog, 281-288. (in Russian)

Работа поступила
в редакцию 19.12.2021 г.

Принята к публикации
24.12.2021 г.

Ссылка для цитирования:

Руденкин Д. В. Государственная цензура Интернета в оценках российской молодежи: итоги социологического исследования // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №2. С. 257-267. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/75/35>

Cite as (APA):

Rudenkin, D. (2022). State Censorship of the Internet in the Assessments of Russian Youth: Results of a Sociological Research. *Bulletin of Science and Practice*, 8(2), 257-267. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/75/35>